

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

«Остров Спящей Женщины» — приключенческий роман, многим обязанный Стивенсону и Сальгари. Здесь будут море, война и шпионы, здесь будет дружба, но главное — здесь будут любовь и месть.

ESQUIRE

ОСТРОВ СПЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

В переводе Александра Богдановского

18+

Артуро Перес-Реверте

Остров Спящей Женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74003607

Остров Спящей Женщины. роман: Азбука, Издательство АЗБУКА;

СПб; 2026

ISBN 978-5-389-32840-2

Аннотация

Апрель 1937 года. Торговый моряк Мигель Хордан Кириапис, стоически выбрав сторону в испанской гражданской войне, неожиданно для себя получает поразительное задание: во главе разношерстной команды наемников – точнее, пиратов – подрывать советские транспорты, которые через Эгейское море доставляют военные грузы в Испанию республиканцам. Прибыв на базу, расположенную на крошечном острове Спящей Женщины, Хордан сталкивается с его владельцами – бароном Кательосом и его женой Леной, восхитительной зрелой женщиной, которая в холодном отчаянии ищет спасения от своей безвыходной судьбы. А пока на море разворачиваются эпические битвы, а в сердцах бушуют страсти, вдали от острова, в Стамбуле, двое друзей, на гражданской войне оказавшиеся в разных лагерях, разыгрывают свою шахматную партию, которая приближается к кровавому эндшпилю... Артуро Перес-Реверте – бывший военный журналист, прославленный создатель цикла о капитане Диего Алатристе, обладатель престижнейших

литературных наград, автор блестящих исторических, военных, приключенческих и детективных романов, переведенных на сорок языков и разошедшихся общим тиражом больше 27 миллионов экземпляров. Его «Остров Спящей Женщины» – роман о войне, долге, мести и любви. Роман о море, где остается лишь несомненное. Дружба. Верность. Тяжелый труд. Опасность. Любовь в море – зыбкий, неверный мираж. Она существует, но верить ей не стоит.

Впервые на русском!

Содержание

Пресса и коллеги об Артуро Пересе-Реверте	9
Остров Спящей Женщины	28
1. Черный флаг	31
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Артуро Перес-Реверте

Остров Спящей Женщины

Arturo Pérez-Reverte

LA ISLA DE LA MUJER DORMIDA

Copyright © Arturo Pérez-Reverte, 2024

All rights reserved

© Arturo Pérez-Reverte, 2024

© А. С. Богдановский, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги Артуро Переса-Реверте,

опубликованные
Издательством АЗБУКА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА АЛАТРИСТЕ

Капитан Алатристе
Чистая кровь
Испанская ярость
Золото короля
Кавалер в желтом колете
Корсары Леванта
Мост Убийц

ТРИЛОГИЯ «ФАЛЬКО»

Фалько
Ева
Саботаж

Гусар
Учитель фехтования
Фламандская доска
Клуб Дюма, или Тень Ришелье
Тень орла
Территория команчей
Кожа для барабана
Карта небесной сферы, или Тайный меридиан
Королева Юга
Мыс Трафальгар
Баталист
День гнева
Осада, или Шахматы со смертью
Танго старой гвардии
Тень гильотины, или Добрые люди
История Испании
Эль-Сид, или Рыцарь без короля
На линии огня
Итальянец
Революция
Последнее дело Холмса
Остров Спящей Женщины

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

**ОСТРОВ
СПЯЩЕЙ
ЖЕНЩИНЫ**

Издательство АЗБУКА
Санкт-Петербург

Пресса и коллеги об Артуро Пересе-Реверте

Артуро Перес-Реверте возвращается с «Островом Спящей Женщины» – приключенческим романом, который многим обязан Стивенсону и Сальгари. Здесь будет море, война и шпионы, здесь будет дружба, но главное – здесь будут любовь и месть.

Esquire

В каждой своей работе Перес-Реверте (есть мнение, что его стиль породил новый жанр, в котором выступать может лишь он один) вводит новые вариации, повышая ставки. Однако ему еще никогда не удавалось так ярко и пронзительно изобразить финал любви, а равно достичь такого блеска... Излюбленные темы Переса-Реверте – моря, порты и битвы, достойные Гомера и Конрада, и он бесстрашно возвращается к ним год за годом. Пока не создает шедевра, который сейчас перед вами.

ABC Cultural

Не очень-то героический герой, потрепанная жизнью женщина, самоубийственная миссия, прекрасные персонажи второго плана – вот из чего построен «Остров Спящей Женщины», приключенческий роман о глубоко человеческих

конфликтах. Поразительное обстоятельство роднит между собой и одновременно выделяет все романы Переса-Реверте, а также то, как он подает себя на публике. Чем больше сам он изображает Эррола Флинна, тем удивительнее и трогательнее момент, когда понимаешь, что ценишь его романы за их подспудную тонкость. Чем больше его шуточки напоминают юмор Франсиско де Кеведо, тем отчетливее его персонажи отсылают к Сервантесу. Чем гуще в его романах техническая фактология (как работали радисты в тридцатых, чем итальянская торпеда отличается от немецкой), тем очевиднее, что важнее всего в них нечто невыразимое и глубоко человеческое, а меланхолия явно перевешивает торжество. Однако в «Острове Спящей Женщины» этот секрет практически на поверхности. Как в шекспировских трагедиях, здесь в глубинах, казалось бы, жалкой и несуразной человеческой души таится подлинное достоинство.

El Mundo

С первых слов узнаваемый стиль... мастерски выписанные персонажи... прихотливая ткань сюжета, который держит и не отпускает. Персонажи вечно в движении – они преходящи, как корабли, бороздящие воды Эгейского моря. Все мы в этом мире ненадолго, но человек у Переса-Реверте доводит эту мимолетность до предела... «Остров Спящей Женщины» – блаженное, стремительное чтение. Автор ведет нас сквозь сюжет, постепенно накаляя события и отношения, пока они не достигают точки кипения. Если вы любите

приключенческие романы, вам нельзя пропустить эту книгу, а если нет, для вас она станет образчиком классического письма. Композиция, язык, темпоритм, нарастающее напряжение и оглушительный финал... Этот роман стоит каждой потраченной минуты.

Literatura y otros demonios

Есть романы, написанные так прекрасно, что мы готовы открыться им целиком, не страшаясь собственной уязвимости, и «Остров Спящей Женщины» – один из них.

El Universal

Поклонникам Переса-Реверте привалило счастье – вышел новый хит. Приключенческий роман. В чистом виде. Грандиозный эпик. Никаких экспериментов. Высококачественная литература, в которой перемешаны война, страсти, тоска, и все это приправлено фундаментальным вопросом: какова повседневная жизнь, внутренняя история тех, кто наблюдает конец света или, по крайней мере, гибель определенного порядка вещей? Персонажи пытаются жить, затаив дыхание перед моментом, когда обрушится мир.

Córdoba

В «Острове Спящей Женщины» вновь фигурируют ключевые темы Переса-Реверте: приключения, война, верность, любовь. Любовь здесь – декорации, в которых разворачиваются битвы сердца и разума. Перес-Реверте – мастер экшена в духе приключенческих романов XIX века и вплетает вы-

мысел в канву реальных событий или событий, основанных на реальности. Этот писатель неизменно славит радость чтения и помогает нам заново открывать вечные пространства юности, выстроенные на фундаменте подлинной человечности.

WMagazín

«Остров Спящей Женщины» написан человеком, который знает абсолютно все о том, как надо рассказывать истории. Все слова на месте, ни единого диссонанса, ничто не нарушает течения повествования. У Переса-Реверте богатый язык, яркие описания мест, людей, событий, и все это щедро пересыпано информативными диалогами, которые прекрасно дополняют портрет персонажей. Своим мастерством Перес-Реверте умудряется перенести нас в иное пространство и время, и мы видим всю историю своими глазами – и буколические пейзажи, и очарование средиземноморских ночей, и чувственность любовных свиданий. Все, кто мечтает писать книги сам, знают, что для этого очень важно много читать. Так вот, романы Переса-Реверте – обязательное чтение.

En el rincón de una cantina

Несомненно, Артуро Перес-Реверте – один из самых завораживающих авторов современной Испании. Этот рассказчик умудряется снова и снова зачаровывать читателя своими историями, которые он помещает – точнее, укореняет – в многообразных временах и пространствах (знаменитый хро-

нотоп по Бахтину). В результате у него сложилась преданная аудитория, которая почитает его, как кинозвезду. Его проза пленительна, и не поддаться ее обаянию очень сложно. В «Острове Спящей Женщины» он ткёт свой гобелен из войн, приключений, невзгод и любви.

El Mostrador

Как во многих романах Артуро Переса-Реверте, лучшее в «Острове Спящей Женщины» – это персонажи, и не только центральный любовный треугольник (Мигель Хордан и супруги Кательос), но и члены экипажа Хордана, а также два друга-шпиона в Стамбуле.

El Buño entre libros

В «Острове Спящей Женщины» замечательно уравновешены приключения, интрига и романтическая линия. Артуро Перес-Реверте погружает нас в самую гущу событий, обнажая ужасы и дилеммы войны и сложность человеческих отношений.

Mundos de Tinta

Мастерство Переса-Реверте восхищает: реалистичная обстановка, живые персонажи и диалоги, ритм повествования, который не сбивается ни на миг, и сюжет, основанный на реальных событиях.

TROA Librerías

Артуро Перес-Реверте вновь преподносит нам увлека-

тельную, глубокую, вдумчиво рассказанную историю... Диалоги зачастую напоминают Хэммета и Чандлера, великих мастеров американского нуара.

El Eco de las Voces

«Остров Спящей Женщины» – настоящая литература, из тех историй, что способны переносить нас в другие миры. Одно из самых сильных достоинств этого романа – то, как здесь раскрываются темы власти, верности и долга. У каждого персонажа свое непростое прошлое, и все они оказываются перед выбором, который определит их настоящее и будущее. Как далеко способен зайти человек ради своей миссии? Что значат верность и предательство в эпоху, когда человеческая жизнь практически лишилась ценности?

«Остров Спящей Женщины» – оммаж классическим романам, история об этических и личных дилеммах во времена конфликтов. Точный и увлекательный текст Артуро Переса-Реверте погружает нас в обстановку войны и страстей, где каждый персонаж – пешка в сложной игре, и эта игра оказывается гораздо важнее личных устремлений.

Для тех, кто ценит романы, в которых важен не только сюжет, эта работа – блестящий пример того, как литература творит пространства, где гармонично сосуществуют история, любовь и трагедия. Эта книга подталкивает нас глубже исследовать моральные дилеммы в темные времена. Это литературное странствие, которое напоминает нам, как важно осознавать и взвешивать собственные решения и их послед-

СТВИЯ.

La Verdad Noticias

В этом глубоком и живописном романе будут малоизвестные подробности испанской гражданской войны, горькая история невозможной любви и страшные бездны человеческой души.

La Lectura

«Остров Спящей Женщины» полон бурлящих экшеном пассажей и глубоких моментов. Изобретательная образность оживляет повествование. Напряжение не отпускает ни на миг. Артуро Перес-Реверте умело, технично и прозорливо применяет классические повествовательные методы, проницательно и непредвзято созерцая самые глубины человеческой души.

El Cultural

Мы снова возвращаемся к приключениям, экшену, войне, героям и злодеям. И снова все складывается: безупречный темпоритм, замечательное мастерство в изображении самых ярких деталей и обаятельные персонажи.

The Objective

Жесткая морская история... Роман, в котором на свет извлечено самое важное.

La Región

Многие годы читатель странствует по Территории Ревер-

те, и в этом новом порту его вновь ждут знакомые краски и поразительные сюрпризы.

Zenda libros

И снова персонажи Артуро Переса-Реверте, люди не хорошие и не плохие, бороздят коварные, мутные воды. Перес-Реверте – внимательный к деталям романист, который пишет о двусмысленной зоне между черным и белым. То есть о жизни людей.

20 minutos

* * *

Артуро Перес-Реверте вновь меняет регистр. После «Революции» – погружения в Мексику Панчо Вильи – и «Итальянца», действие которого происходит в 1940-е во время Второй мировой войны, он дарит нам новый роман, своевременный, неотразимый, умный и крайне увлекательный. «Последнее дело Холмса» – дань традиционным детективам, а также манифест детективного жанра. На этих страницах читатель с писателем ведут битву умов... Читатель хочет все большего – писатель не разочаровывает. Читатель применяет дедуктивный метод – писатель ведет его за руку или сбивает с пути. В «Последнем деле Холмса» нет ничего предсказуемого.

El Periódico de España o «Последнем деле Холмса»

Идеальная книга, словно вырезанная скальпелем.

ABC o «Последнем деле Холмса»

Для автора, как и для Томаса де Квинси, преступление – одно из изящных искусств. Перес-Реверте развлекается всюю, и этот роман приносит нам массу радости и наводит на размышления – здесь найдется место и теориям, и игре.

El Mundo o «Последнем деле Холмса»

Перес-Реверте – отчасти Индиана Джонс: его репортажи и анекдоты касаются величайших сюжетов нашей цивилизации, и на них же он строит свои истории, порой вымышленные, но всегда правдивые. «Революция» – повесть о насилии и о том, как насилие проходит сквозь нас, как оно преобразует нас, как мы относимся к нему и как оно подталкивает нас к поступкам и решениям. Здесь есть катарсис, но также есть взросление, странствие... в этот захватывающий роман мы погружаемся с головой.

El Quinto Libro o «Революции»

Этот стремительный поток событий, хрупкость жизни отдельного человека в бурные исторические времена – наследие великих западных приключенческих романов, а также военных репортажей самого Переса-Реверте.

El País o «Революции»

Этот роман погружает нас глубоко в сферу приключений,

но также и в сферу ценностей, где привычные нам представления о добре и зле бледнеют, а разделяющие их границы размываются. Головокружительная книга.

El Debate o «Революции»

Шпионский сюжет, в котором рокочет гром великих триллеров... средиземноморский герой и меланхолический прикус неизбежной мимолетности времени.

La Razón ob «Итальянце»

Любовь и шпионаж. Изумительный роман. Типичный Перес-Реверте, масса наслаждения.

Libros у уа об «Итальянце»

Есть книги, которые служат читателю якорем, брошенным в реальности, и одновременно подталкивают к необычайному, потому что ярче всего подлинная жизнь проявляется в малом.

El Mundo об «Итальянце»

Его проза пронизана трепетом иллюзии. Читая «Итальянца», я вспоминал Грэма Грина, Жоржа Сименона, Джона Конрада, Витторио Де Сику и Роберто Росселлини.

Хосе Луис Гарси, испанский кинематографист, об «Итальянце»

Мы все знаем Артуро Переса-Реверте. Этот человек в выражениях не стесняется – он говорит ясно, за словом в карман не лезет и называет вещи своими именами. Этого чело-

века сложно оскорбить – он сам кого хочешь оскорбит.

«На линии огня» – роман не о борьбе добра со злом, здесь нет героев и злодеев. Более того, едва начав читать, забываешь, на чьей ты стороне. Здесь все персонажи живые и все очень молоды, просто до неприличия молоды – мужчины, женщины и подростки, ополченцы и legionеры, республиканцы и франкисты.

Это гуманистический роман – и очень жестокий, как и гражданская война, как любая война, в которой проигрывают все, а выигрывают очень немногие. Это ослепительная, зверская книга, выкованная из множества маленьких личных историй, которые переплетаются и складываются в великую катастрофу.

Esquire о «На линии огня»

Сочетая скрупулезность с изобретательностью, самый популярный испанский писатель создал не просто роман о гражданской войне в Испании, но мощный эпик о мужчинах и женщинах на любой войне – историю беспристрастную и завораживающую.

Lecturalia о «На линии огня»

Исчерпывающий роман о гражданской войне в Испании, грандиозный и увлекательный литературный проект – преодолевая время, он погружает нас в реальность истории и, вопреки жестокости сюжета, неодолимо завораживает.

La Vanguardia о «На линии огня»

Этот роман, амбициозный и достоверный, избегает бинарного упрощенчества – это великая книга, призывающая к примирению.

El Cultural o «На линии огня»

Волшебная палочка Переса-Реверте не только умело создает вымышленных персонажей, которые населяют повествование с той же достоверностью, что и настоящие, но и позволяет автору разъяснять самые сложные вопросы простым и понятным языком.

La Gaceta Regional de Salamanca o «На линии огня»

«Фалько», головокружительный, пронзительный, людоедский роман, лишний раз напоминает нам о том, что Перес-Реверте – величайший рассказчик Испании.

La Nueva España o «Фалько»

Идеально выстроенный и подкрепленный историческими исследованиями, «Фалько» воплощает бесчисленные таланты автора... Читатель заворожен до самого конца и постоянно ждет сюрпризов.

The Times Literary Supplement o «Фалько»

Артурос Перес-Реверте умеет создавать завораживающих персонажей: это искушенные, сильные, умные, циничные личности, они играют по своим правилам, обладают чувством чести, умеют читать между строк и к тому же откровенно соблазнительны. В серой зоне, где границы меж-

ду добром и злом стираются, жить нелегко, и в этом смысле Перес-Реверте просто гений.

Canarias 7 o «Фалько»

Пульс повествования бьется ровно и четко, а удивительные события и ситуации сменяют друг друга так, что голова идет кругом.

El Cultural o «Еве»

История, как обычно у Переса-Реверте, рассказана блестяще... Мало кто из европейских писателей так умеет выстроить в своих романах целостный мир.

ABC Cultural o «Еве»

Артуго Перес-Реверте превращает газетный рассказ или дешевый роман из киоска в шедевр... Взгляд кинообъектива, ритм секундной стрелки и острота клинка.

El Mundo o «Еве»

Перес-Реверте – мастер проникновенных сцен на полпути между страданием, блеском и чистым выживанием, напрочь лишенным эпического оттенка.

La Razón o «Саботаже»

«Танго старой гвардии» – это Джон Ле Карре пополам с Габриэлем Гарсиа Маркесом, увлекательнейший с первой до последней страницы роман, который прямо-таки просится на киноэкраны. Главный герой, Макс Коста, – роль, просто созданная для Кэри Гранта. Меча – скорее Кэтрин Хеп-

бёрн, чем Грейс Келли... Восхитительно построенная история – отчасти детектив, отчасти триллер, отчасти приключения классического толка... Перес-Реверте – прекрасный рассказчик, и «Танго старой гвардии» принесет немало радости всем, кто тоскует по ушедшим изысканным временам, когда люди переодевались к обеду, а в казино пускали только в смокинге.

The Wall Street Journal о «Танго старой гвардии»

Артуго Перес-Реверте, не покидая своего мира, меняет регистр и пишет великолепную историю любви. Но мало того, «Танго старой гвардии» – громадное и тщательно подкрепленное документами историческое полотно, изображающее Европу двадцатых, тридцатых и шестидесятых. Здесь есть любовь, есть глубокие чувства и поразительный, мощно заряженный эротизм. И разумеется, без приключений дело тоже не обойдется.

El País о «Танго старой гвардии»

Сильная сторона «Танго старой гвардии» – исторические детали и роскошные описания экзотических декораций и шикарных суаре в обстановке политического насилия. Движущая сила романа – глубоко несовершенная человечность обоих главных героев, их желания, их неспособность доверять никому, даже друг другу, невзирая на прочнейшую между ними связь... Артуго Перес-Реверте вызывает к жизни романтический дух старого черно-белого кино, невоз-

можно шикарней и неоспоримо печальней.

Kirkus Reviews о «Танго старой гвардии»

Этот эlegantный триллер, блистающий остроумными диалогами, горячо рекомендуется всякому читателю, знающему толк в утонченной литературе.

Library Journal о «Танго старой гвардии»

Зрелый, цельный роман, воплотивший наилучшие качества Переса-Реверте: безупречное повествование, в котором напряжение не ослабевает ни на миг; прекрасная, эффектная история, рассказанная роскошной, эlegantной прозой. И нет на свете другого писателя, умеющего так задевать читательскую душу.

El Español о «Танго старой гвардии»

«Танго старой гвардии» – восхитительно живая история смутной и страстной любви, предательств и интриг, которая длится четыре десятилетия в мучительном и завораживающем столетии, в сумерках ныне угасшей эпохи.

Todo Literatura о «Танго старой гвардии»

* * *

Волшебство в том, как Артуро Перес-Реверте заставляет читателей вглядываться в глубины повествования, – он распахивает перед нами гобелен, сотканный из исторических

фактов и ментальных координат прошлого. Это и вообще сложный трюк, но он граничит с виртуозностью, когда автор вдобавок преподносит нам жизненный и исторический урок под видом приключения, от которого невозможно оторваться.

Zenda

В нынешней испанской литературе едва ли найдется много таких заслуженных рок-звезд, как Артуро Перес-Реверте... Его нынешний творческий взлет потрясает воображение.

La Vanguardia

Артуро Перес-Реверте составляет свои романы, как утонченный и элегантный старый испанский бармен – коктейли.

Minute

Самый совершенный испанский романист нашего времени.

El País

Перес-Реверте изобрел романы и жанры, которых до него в Испании не существовало.

Алексис Громанн, литературовед

Приключения, лихой экшен, интриги... Артуро Перес-Реверте ставит планку очень высоко и всякий раз умудряется не разочаровать.

El Imparcial

Перес-Реверте – писатель, который поистине любит свою работу и бросает читателю вызов на каждой странице.

RTVE

Элегантный стиль повествования сочетается у него с прекрасным владением словом. Перес-Реверте – писатель, у которого поистине следует учиться.

La Stampa

Перес-Реверте обладает дьявольским талантом и виртуозно отточенным мастерством.

Avant-Critique

Все романы Артуро Переса-Реверте взаимосвязаны и складываются в систему, которую классические авторы называли стилем, а современные – миром.

ABC Cultural

Перес-Реверте дарит нам радость от ловкой игры между вымыслом и историей.

The Times

Артуро Перес-Реверте знает, как удержать внимание читателя и заставить его сгорать от нетерпения, пока перелистывается страница.

The New York Times

Читая Переса-Реверте, умудряешься забывать дышать.

Corriere della Sera

Он не просто великолепный рассказчик. Он мастерски владеет разными жанрами.

El Mundo

Есть такой испанский писатель, сочинения которого словно лучшие работы Спилберга, одобренные толикой Умберто Эко. Его зовут Артуро Перес-Реверте.

La Repubblica

Мало кто из современных авторов умеет так блестяще живописать безрассудную отвагу.

The Christian Science Monitor

Перес-Реверте безупречно внимателен к историческим деталям и тонко понимает людей, человеческую душу, а его персонажи глубоки и многомерны.

The Dallas News

Перес-Реверте – живой классик, которого сравнивают с Александром Дюма и Жюлем Верном. Его мастерство рассказчика неизменно подкрепляется стоическим взглядом на бытие, трагическим смирением перед диктатом природы, торжеством игры и риска, которые и составляют человеческую жизнь.

El Cultural

Женщина, о которой мы говорим, очень

*типичная женщина и все же одна из таких, кого
очень мало на свете. Нельзя сказать, чтобы они
были очень редки, но для них мало места.
Джозеф Конрад «На отмелях»¹*

¹ Перевод С. Вольского. – Здесь и далее примечания переводчика.

Остров Спящей Женщины

Из граммофона звучит французская песенка. «Говорите мне о любви, – просит медовый голос Люсьен Буайе. – Говорите мне снова и снова». Горизонтальные лучи закатного солнца, проникая через окно, играют алыми бликами на узорах вытертого ковра, на тусклом мраморе каминной облицовки, на потемневшем от времени лаке висящих по стенам картин, на бесстрастном лице женщины: она курит, раскинувшись на турецком диване. На ней потертые и грязные брюки из белой саржи и тельняшка. Как ни странно, затрапезная одежда не только не лишает ее облик изящества, но, напротив, подчеркивает его. Ей, вероятно, около пятидесяти: она довольно высока ростом; стройна; у нее длинный нос и орехового оттенка глаза; темные волосы, остриженные очень коротко, почти по-мужски, сохранили свой природный цвет, но густо припорошены сединой.

Граммофон смолк. Раздавлив окурок сигареты в большой бронзовой пепельнице, отлитой в виде корабля гомеровских времен с резвящимися вокруг сиренами, женщина снова замирает, покуда прямоугольник света, уменьшаясь, не переползет с ковра на занавески и переплет окна, откуда открывается вид на лиловатую линию горизонта и плавный береговой урез. Тогда ленивым, томным движением женщина протягивает руку и из сумки, лежащей на диване рядом с зажи-

галкой и пачкой сигарет, достает кожаный бумажник, а из него – фотографию с зубчатыми краями: на каменистом берегу, на фоне судна, полускрытого маскировочной сетью и пришвартованного к причалу из камня, дерева и бетона, стоят несколько мужчин, одетых как греческие моряки или рыбаки, и на первом плане – рослый светловолосый бородач: закатанные рукава рубашки открывают могучие руки, на голове морская фуражка без кокарды и надписей на околыше.

Задержавшись на нем, безразличный взгляд, скользящий по этим фигурам, становится задумчивым. Потом женщина берет зажигалку и, большим пальцем крутанув колесико, подносит огонек к уголку фотографии. Дождавшись, когда снимок полностью догорит в пепельнице, снова растягивается на диване в тот самый миг, когда в комнату входит лысоватый темноусый человек в мятом коричневом костюме.

– Опоздываете, – мрачно произносит она. – Вечно опоздываете, черт бы вас взял.

– У меня были другие пациенты.

– Никто из них не платит вам столько, сколько плачу я.

Пожав плечами, вошедший привычными движениями открывает саквояж и достает оттуда металлическую коробку со шприцами и пузырек со спиртом, две иглы для подкожных инъекций, стерилизует шприц. Все это он проделывает, стоя спиной к женщине, а та обнажает левую руку, покрытую следами предыдущих уколов.

– *Ένι πόντο ολέτο*, – бормочет женщина. – Пропал в мо-

ре.

– Кто пропал? – рассеянно, явно не ожидая ответа, спрашивает гость.

– Не все ли равно кто... Не тяните.

Вслед за тем она склоняет голову на подушку, закрывает глаза и ждет, когда очередная доза дарует забвенье.

1. Черный флаг

В море есть такое, что стóбит увидеть лишь однажды, а ему между тем случалось видеть не раз. И оттого он обрел спокойную покорность судьбе, взрастил в себе профессиональный фатализм, который удивительно соответствовал его внешнему облику – скорее балтийскому, нежели средиземноморскому. Ему только что исполнилось тридцать четыре года: он был высок ростом, крепок телом, с золотистой шевелюрой и бородой, с голубыми, обманчиво простодушными глазами, с улыбочивым лицом, которое внезапно становилось серьезным, когда он подолгу вглядывался в собеседника, словно удивляясь то ли сию минуту услышанному, то ли нежданно пришедшей мысли. Звали его Мигель Хордан, а фамилию Кириазис он получил от матери-гречанки; нанявшись на судно простым матросом, а потом окончив мореходное училище, два десятка лет плывал под разными флагами между Европой, Америкой, Африкой и Ближним Востоком. В его аттестате значились служба на семи судах, одно кораблекрушение в Бискайском заливе – смещение груза в трюме, девять выживших и одиннадцать пропавших без вести – и должность штурмана торгового флота.

В последнее время жизнь его изменилась. События

18 июля² застали его на борту танкера компании «Кампса», стоявшего у стенки в Эль-Ферроле; после мобилизации и ускоренного курса переподготовки в Военно-морской академии Мигель превратился в лейтенанта флота, именовавшегося «национальным». Спустя четыре недели, пройдя специальное обучение на торпедных катерах в германском городе Киле, получил очередное звание, однако нашить на рукава новые галуны не успел. В вещевом мешке, с которым в середине марта 1937 года он сошел по сходням парохода «Альба Адриатика», бросившего якорь в порту Бейрута, не было ничего, что указывало бы на принадлежность Мигеля Хордана к военно-морскому флоту Испании. В кармане пиджака лежал британский паспорт, выданный в Гибралтаре на имя Мигеля Тозера. А в мешке – запрятанный под белье револьвер «Уэбли» 38-го калибра с пятидюймовым стволом.

Ожидавший его человек стоял там, где и должен был стоять. И оказался из разряда тех, кто умеет оставаться незаметным, пока не понадобится, – серый костюм, серая шляпа, серое лицо. Идеально, чтобы затеряться в толпе. Однако Хордан должен был, напротив, найти его. Восемь дней назад, когда он сел на корабль в Кадисе, ему сказали, что у того, кто встретит его у входа в таможню, в одном кармане будет сложенный вдоль экземпляр газеты «Л'Орьян», в другом – «Ле Жур». Как его зовут, совершенно не важно.

² 17–18 июля 1936 года в Испании была совершена попытка государственного переворота, приведшая позже к гражданской войне.

– Добро пожаловать в Ливан.

– Благодарю вас.

– Устали с дороги?

– Нет.

– Ну и прекрасно.

Ни улыбок, ни рукопожатия. Серый человек подхватил вещевой мешок Хордана и сам поставил его перед таможенником, который ограничился тем, что мелом пометил брезент. Не произнося ни слова, они плечом к плечу вышли на площадь, где стояли экипажи, и уселись в первый. Договорившись о цене, кучер взмахнул кнутом, распугав мух, и мелкой рысью пустил лошадь к выезду из порта, а потом в западную часть города.

– Я заказал вам номер в «Норманди». Вы знаете Бейрут?

– Только порт и его окрестности. Два раза по несколько суток отстаивались здесь: давно было дело.

– Вы и сейчас здесь ненадолго. – Серый человек достал из жилетного кармана часы. – Когда устроитесь, можем, если хотите, выпить аперитив на террасе курзала – это поблизости. Это тот самый, из «Владелицы ливанского замка»³... Вы читали этот роман?

Хордан не знал, о чем идет речь: он вообще читал мало, если не считать технические руководства и морские лоции.

³ «Владелица ливанского замка» («La Châtelaine du Liban», 1924) – роман популярного в первой половине XX века французского писателя Пьера Бенуа. Сюжет разворачивается главным образом в Бейруте и полон экзотики и страстей.

Рассеянно огляделся: справа – море, слева – лиловатые горы, нависающие над охристыми домами и красными крышами. Показал на свой старый пиджак и фланелевые брюки, измявшиеся в пути.

– Не уверен, что в таком виде можно...

– Пустяки. Публика там самая пестрая: и французские офицеры, и моряки, и местные... В это время не протолкнуться, и обстановка самая непринужденная. Внимания не привлечем. Даже несмотря на ваш рост. – С нескрываемым интересом серый человек проскользил взглядом сверху до низу. – Сколько в вас?

В светло-русых зарослях усов и бороды неожиданно и тепло блеснула ярко-белая полоска: Хордан улыбнулся. Улыбка, искренняя и простодушная, очень шла ему, совершая стремительный переход от сдержанно-опасливой повадки моряка к доверчивой грубоватой непосредственности. Почти как у подростка.

– Метр восемьдесят девять.

– Гм, недурно.

– Полагаете, можно будет говорить свободно, когда вокруг толчется столько народу?

– Друг мой, это же Восток, – отмахнулся серый человек. – Я больше доверяю террасе кафе, где все без стеснения сговариваются, торгуются и судачат, чем номеру в отеле, где никогда не знаешь, кто стоит за дверью.

Отель «Норманди», новый и комфортабельный, выходил

на проспект Французов и на море. Умывшись и поменяв воротничок сорочки, Хордан разложил свой скудный багаж, спрятал кое-какие документы под шкаф, а револьвер под матрас. Минут пять наблюдал из окна за улицей, а потом направился на террасу гудевшего, как улей, кафе под полотняным навесом, который умерял слепящий полуденный свет. Официанты и чистильщики ботинок сновали по центральному проходу среди мужчин в фесках и при галстуках, женщин, одетых по-европейски, бейрутских чиновников и офицеров в форме. Серый человек ждал его, сидя в глубине зала, рядом с решеткой, отделявшей террасу от Военного клуба, – не слишком далеко и не очень близко от прочих столиков. Было очевидно, что выбирать подходящее место для беседы он умеет.

– Я заказал арак... Годится?

– Да.

– Чудесно.

В ожидании официанта он сразу же заговорил о деле. Хордану предстоит завтра же на маленьком кипрском «купце» под названием «Акамас» отправиться в Пирей, до которого он не доберется, потому что на полпути, неподалеку от Милоса, северней Крита, предусмотрена пересадка на другое судно.

– Вас заберет оттуда греческая рыболовная шхуна. – При этих словах серый человек понизил голос. – До места назначения ночь пути, более или менее... – И многозначительно

помолчал. – Остров этот вы знаете.

Хордан пожал плечами, такими же широкими и крепкими, как руки:

– Никогда не бывал.

– Но, полагаю, изучали его.

Испанец молча кивнул. Разумеется, он изучал его по картам британского Адмиралтейства: остров под названием Гинайка Коимисмени в западной части Кикладского архипелага, к западу от Андроса и Тиноса. Обычный маршрут торговых судов, которые, выйдя из советских портов и пройдя Дарданеллы, идут на юго-запад с грузом оружия для Республики.

– А команда? – спросил он.

Собеседник ответил не сразу. Подоспевший официант поставил на стол полбутылки арака, графин с водой и другой со льдом, два стакана. Когда же он удалился, серый человек протянул руку и аккуратно смешал в стакане арак и воду из расчета один к трем, отчего жидкость сделалась молочно-белой. Потом бросил туда лед, от которого запотели стенки стакана.

– Часть экипажа уже на острове, куда их несколько дней назад должно было доставить главное судно. Четверо остальных присоединятся к вам здесь, и вы отправитесь вместе.

– Откуда они родом? – осведомился Хордан.

– Как и предполагалось, двое ливанцы, радист – англичанин, а торпедист – голландец. – Серый человек с явным удо-

вольствием сделал глоток. – Остальные – четверо греков и албанец... Люди жесткие, выдавшие виды, привыкшие быть с законом не в ладах, так что вам придется держать их в руках. Установить дисциплину и всякое такое...

– Я другого и не ждал.

– И они пока не знают цели этого предприятия.

– В свое время узнают.

Серый человек как будто задумался.

– Кроме того, – сказал он вдруг, – не все они одинаково надежны.

– То есть?

– Вы сами понимаете... Движимы не патриотизмом. И потом, этот радист...

– Что с ним не так?

– Нет-нет, не беспокойтесь, ничего серьезного. Отлично знает свое дело, ну или, по крайней мере, это единственный специалист, которого нам удалось найти здесь. Во время Великой войны служил на *Royal Navy*⁴, но...

– Но – что?

– По достоверным сведениям, сильно пьет. Или, во всяком случае, пил.

Хордан нахмурился:

– Мне это не нравится.

– Мне тоже. По этой причине ему пришлось распрощаться с военным флотом, а вернее, флоту – с ним. Ходил на тор-

⁴ Военно-морские силы Великобритании (англ.).

говых судах, потом работал на сирийской железной дороге, пока не оказался здесь.

– Заменить его некем?

– К сожалению, я узнал об этом его грехе слишком поздно. – Серый человек понизил голос почти до шепота. – А связь в этом деле играет огромную роль, потому что...

Он осекся, откинулся на спинку стула и сделал еще глоток. Хордан задумчиво кивнул:

– Хотелось бы взглянуть на него.

– Прощупать? Дело стоящее. Он милейший человек. Что называется, славный малый. Если бы не тяга к спиртному, был бы просто безупречен.

– Как его имя?

– Бомонт. Но все зовут его просто Бобби, хотя ему уже за пятьдесят.

– Можно будет повидаться с ним до отплытия?

– С ним одним или с тремя остальными тоже?

– Воспользуюсь случаем взглянуть на всех четверых.

– Я это устрою, но советую вам для этого свидания выбрать местечко поскромнее. – Серый человек взглянул на запад и показал куда-то в ту сторону. – Между кафе «Ориент» и Американским университетом есть кафешка под названием «Эль-Чакиф»: ее хозяину можно доверять.

– В какой мере?

– С учетом того, что мы с вами находимся на Ближнем Востоке, – в известной.

Издали долетел грохот, приглушенный высокими зданиями. Голуби закружились в воздухе между пальмами, тянувшимися вдоль проспекта; серый человек достал из кармана часы и взглянул на циферблат:

– Как сказал поэт, «веселый рев полдневной пушки».

Хордан осторожно пригубил и отставил стакан: напиток показался ему слишком сладким и жгучим. Он был довольно равнодушен к спиртному, а если изредка и пил, то лишь с намерением взбодриться, в подобных случаях предпочитая залпом опрокинуть рюмку такого, что оказывает немедленное действие.

– Что еще мне следует знать?

– В отеле вас ждет справка об экипаже, а завтра на судне найдете у себя в каюте запечатанный пакет с дополнительными сведениями – там секретные коды, технические руководства, лоция с проложенным курсом, карты Эгейского моря. Еще информация о владельце острова, бароне Кательосе. – Он снова глянул на часы и неопределенно скривил губы. – Полагаю, вы про него слышали.

– Кое-что.

– Рано или поздно узнаете побольше, потому что он там живет. Экстравагантный господин. Из старой греческой аристократии.

– Не бывает греческих аристократов.

– В самом деле? – удивленно заморгал серый человек. – Ему интересно будет это узнать... Он тем не менее барон.

Впрочем, важно лишь, что симпатизирует националистам и предоставил им свой остров.

Хордан кивнул, мимоходом задавшись вопросом: кому бы симпатизировал его собеседник, получай он деньги от других? Потом вновь задумался об острове. Благодаря мореходным картам он отчетливо помнил его конфигурацию – в форме рыбы с вогнутым с восточной стороны хвостом, с укромной якорной стоянкой: от двух до пяти метров глубины, дно частью песчаное, частью каменистое, защищен от всех ветров за исключением тех, что дуют из второго квадранта, то есть под углом от 90 до 180 градусов.

Теперь серый человек смотрел на него с новым интересом.

– Расспрашивать мне не положено, да это было бы не к месту и не ко времени, но все же очень любопытно... – отважился он. – Вы в самом деле говорите по-гречески так свободно, как мне сказали?

– Не знаю, что вам сказали. По-гречески я говорю с детства.

Его собеседник поднял брови:

– В самом деле? Неожиданно для испанца и тем более для человека с вашей внешностью. Я даже предполагаю, из-за нее вас и отобрали. Никому ведь и в голову не...

– Часть моей семьи из Каламаты, – прервал его Хордан.

– А-а, теперь понимаю.

Спустя пять часов он, окутанный золотистым светом су-

мерек, шел по улице. За городом темнели синевой далекие склоны горы Саннин, поверхность моря покрывали глубокие лиловатые борозды, а на западе, за одиноким минаретом, разрывал тьму маяк Рас-Бейрута. Время от времени Хордан останавливался, как бы любуясь пейзажем, а на самом деле незаметно оглядывался по сторонам. Вроде бы никто не шел следом, но это было плохим утешением, потому что ему в таких делах не доставало опыта. По возвращении из Киля его всего лишь неделю обучали азам безопасности и умению выживать «на берегу». Потому что опасности, подстерегавшие в море, были предсказуемы: все, что могло случиться, включая даже самое страшное, уже случалось с ним самим или с другими и содержалось в объемистой энциклопедии, собранной за столетия штормов и кораблекрушений. И потому Хордан, как и всякий моряк, привыкший к своей моряцкой доле, предпочитал рискованную определенность морской стихии непредсказуемым и неведомым опасностям твердой земли.

– Ступайте прямо в «Эль-Чакиф», – напутствовал его серый человек. – И входите, никого не спрашивая: вас ждут.

Заведение стояло на деревянных сваях у самого берега. Оттуда открывался вид на проспект над стеной: среди скал, выступавших из тихой воды, покачивались на якорях рыбацьи баркасы, а вдалеке, на мысу, погруженном в море, которое с каждой минутой темнело все сильнее, зажигались первые огни прибрежных отелей и кафе. Пахло водорослями и

влажной тиной.

В глубине, в отдельной комнате с дощатым полом и окнами, покрытыми налетом соли, сидели четверо. При виде Хордана они поднялись, и это ему понравилось. С самого начала устанавливались некие правила. Правила, полезные для того дела, которое они готовились затеять.

– Садитесь.

Они повиновались, а он остался стоять, заложив руки за спину и всем видом своим выражая самую что ни на есть непреклонную властность. Меркнувшего света с улицы хватало, чтобы внимательно их разглядеть. Двое – явные европейцы: наверняка торпедист и радист. Двое других, с изжелта-смуглыми лицами, обтрепанные, с ножами, явственно оттопыривавшими брючные карманы, относились к тем, кого житейский отлив в изобилии оставляет в портах Средиземноморья. Хордан мигом определил их, благо служба на торговом флоте близко познакомила его с этим разрядом людей. Эти четверо были такими, каких он ожидал увидеть, полагая, что и все прочее будет скроено по тому же фасону. Никто и не рассчитывает, что рядом с ними в безопасности пребудут женская честь, чужие деньги или какой угодно вид частной собственности, – ну так ведь к востоку от Мальты это общее явление. А вот когда поднимутся на борт да выйдут в море, будет видно, кто чего стоит – или не стоит ничего. Тем паче, что не он их отбирал: все было спланировано и подготовлено за него – и время, и задача, и корабль, и ко-

манда.

– В конце концов, – сказал ему на прощанье капитан первого ранга Навиа-Осорио при расставании в Кадисе, – на афганского медведя ходят с афганскими борзыми. Слышал такое? Это сказал Киплинг или кто-то в этом роде.

Сам Хордан тоже не любил длинные речи, как не любил и ломать голову над смыслом их. И не строил иллюзий по поводу того, что побудило и этих людей, и тех, кто ожидал на Кикладах, согласиться на предложенную им работу, о которой они понятия не имели за исключением одной – но решающей! – подробности: им выплатят подъемные, и каждые две недели на их счета в афинском отделении «Банка коммерциале италяна» будет переводиться жалованье в американских долларах. Все это было уже решено, подготовлено и приведено в движение, так что на долю Хордана выпало заниматься лишь оперативной стороной предприятия.

– Какое-то время вы будете подчиняться моим приказам. – Говорил он медленно и спокойно, как, впрочем, и всегда. – Более полные и точные представления о предстоящей работе будете получать всякий раз, как я сочту это нужным... Сейчас вам достаточно знать, что мы обоснуемся на некоем острове, откуда будем совершать рейды. Довольно рискованные рейды.

Он сделал рассчитанную паузу, давая оценить последние два слова, однако никто не возразил. Было очевидно, что иного они и не ждали. И ввязались в это предприятие не

вслепую и не наобум.

– Под каким флагом будем плавать?

Тот, кто поднял руку, задавая этот вопрос, был почти альбиносом: грубоватое лицо покрыто по скулам и на лбу красными пятнами. Поношенный морской бушлат, рабочие штаны, парусиновые башмаки.

– Фамилия? – спросил Хордан.

– Зингер.

– Вы голландец? Торпедист?

– Да.

Хордан знал данные этого человека – ознакомился с ними еще в отеле: Ян Зингер, тридцать один год, профессиональный водолаз, бывший старшина, имеет опыт подводной стрельбы. Одиннадцать месяцев назад дезертировал с нидерландского крейсера «Де Рёйтер».

– Мы не входим в состав каких бы то ни было военно-морских сил, однако вы должны соблюдать строжайшую флотскую дисциплину. Наверху решили, что я буду вашим начальником, и потому все мои приказы должны выполняться беспрекословно. Еще есть вопросы?

Моряки переглянулись. Потом поднял руку курчавый парень лет двадцати с небольшим – один из ливанцев, похожих друг на друга, как родные братья.

– Имя? – спросил Хордан.

– Фарид Мароун, – ответил тот и не глядя показал на другого: – А это мой двоюродный брат Сами.

– Что хотел спросить?

Ливанец улыбнулся, но одними губами. У него были живые глаза и опасная улыбка.

– А можно узнать, на кого мы будем работать?

Лицо Хордана стало жестче:

– На меня.

– Ну да, это ясно. Вопрос в том, кем вас считать. Как к вам обращаться?

– Можете называть меня «капитан», или «командир», или просто «сеньор», кому как нравится. И давайте с самого начала проясним: любое неповиновение, любая бесцеремонность или нарушение субординации повлечет за собой санкции.

– Какого рода? Штрафовать будете? – скривил губы ливанец.

– Разумеется.

– А еще и физическое воздействие, если придется?

Хордан не ответил на это или ответил не напрямую:

– У тех, кто вас нанял, есть возможности и средства устранить любое нарушение или невыполнение контракта.

Братья быстро переглянулись.

– Речь о ком-то могущественном, а?

– Вполне, – подтвердил Хордан.

Наступившее молчание нарушил торпедист Зингер:

– Это предупреждение, что ли?

– Ну разумеется. Оно самое. – Хордан оглядел их всех

поочередно. – А вы что думали, когда вербовались?

– Мы считали, что речь идет о контрабанде.

– Ну, значит, просчитались.

Четверо переглянулись, осмысляя услышанное. Один из них молчал во все время разговора – английский радист по имени Бобби Бомонт ростом был почти с Хордана, однако тщедушен и неладно сложен: у него были несоразмерно длинные ноги. Впалые щеки, зеленовато-синие глаза, влажно поблескивавшие за стеклами роговых очков. Ему следовало бы подстричься и побриться: четырехдневная щетина терлась о воротник форменной рубашки цвета хаки, которую он носил навыпуск, не заправляя в заштопанные на коленях брюки. На ногах сандалии, на левой кисти поблекшая от времени незатейливая татуировка. Непрезентабельность всего облика странно сочеталась с некой элегантностью поведки. Он сидел на стуле, вплотную придвинутом к окну, и в продолжение разговора выкурил подряд уже две сигареты, прикуривая одну от другой. Но вот он заговорил – глуховатым голосом и ни к кому не обращаясь, а словно бы размышляя вслух:

– Стало быть, под черным флагом.

Все уставились на него с любопытством. А он пожал плечами и поднял на Хордана глаза, готовые, казалось, вот-вот пролиться слезами. В их до крайности необычном, приглушенном блеске таилась какая-то усталая насмешка.

– Насколько я понимаю, идем на промысел, – добавил он

так спокойно, словно это уmozаклучение ничего решительно не изменило. – Становимся корсарами Эгейского моря?

– Пиратами, – без заминки уточнил Хордан. – Никакая держава нас не прикроет.

В отель он возвращался вдоль берега. Солнце, подобно раскаленному диску на широком красном треугольнике, уже час садилось рядом с маяком, однако оставляло светящийся след, позволявший разглядеть темные силуэты зданий, где внизу – там, где на первых этажах были еще открыты лавки, – мерцали слабые огоньки керосиновых ламп.

Хордан ощущал известную растерянность, и это было вполне естественно. Ему приходилось командовать людьми в ситуациях, которые море делало критическими, заставлять их бороться за жизнь в беспощадной черно-белой схватке со стихиями, но на войне – никогда. Его боевой опыт был скуден и сводился к единственной стычке на причалах Эль-Ферроля в 1936 году и к последующему обучению в Киле. Теперь его посылали в Восточное Средиземноморье, причем никто не соизволил узнать, как он сам к этому относится: приказы не обсуждают, а выполняют. И ему оставалось лишь спрашивать себя, окажется ли он на высоте, когда дойдет до дела.

По пути он почти никого не встретил: мимо прошли порознь лишь двое прохожих, а у балюстрады покуривали, переговариваясь по-арабски, четверо парней. Внезапно, ревя и

рыча, появился и промчался мимо автомобиль, на миг осветив Хордана, и тот воспользовался этим, чтобы настороженно оглянуться. И замер на месте, заметив шагах в пятнадцати-двадцати этого самого Бомонта, который шел следом, нагоняя его. Или ему так показалось.

Хордан стоял неподвижно, дожидаясь, когда тот приблизится. Англичанин, шагая неторопливо и непринужденно, наконец поравнялся с ним. Сумеречный свет почти совсем померк, но еще можно было рассмотреть сухопарую угловатую фигуру.

– Что вы тут делаете? – резко спросил Хордан.

– Я, мой мальчик, в отель свой иду. Он в порту.

Хордана сбил с толку его тон – фамильярный, покровительственно-приветливый, почти ласковый. Так учитель обращается к ученику.

– А ваши товарищи?

– Ну-у, рановато их называть так, вы не находите? Я ведь только что с ними познакомился... – Паузу заполнил усталый вздох. – Они остались в кофейне крепить узы товарищества – ну, знаете, горсточка счастливых, братьев... День святого Криспина и всякое такое...⁵ – Он снова помолчал в раздумье. – Богатство отчизны, какой она ни будь, воздаст нам за наши труды... Улавливаете?

⁵ Парафраз цитаты из речи короля Генриха на День святого Криспина (Криспиана) из хроники Уильяма Шекспира «Генрих V»; здесь и далее хроника цитируется в перев. Е. Бируковой.

Хордан понятия не имел, что за чушь несет этот англичанин. Но, заинтересовавшись, продолжал вглядываться в него, насколько это можно было в полутьме. И не успел еще ответить, как тот заговорил снова:

– Как я уже сказал, мой мальчик, иду в отель. Ничего, что я присоединился? В это время суток Бейрут не самое безопасное место на свете.

Хордан вздохнул, преодолевая неловкость:

– Послушайте, Бомонт...

– Все зовут меня Бобби.

– Я предпочитаю обращаться к вам так.

– Как угодно, – смиряясь, буркнул радист. – Вы тут главный.

– Именно это я и хотел вам напомнить. Так что оставьте «мальчика» до лучших времен, когда сойдемся поближе, узнаем друг друга получше. А это произойдет не сразу и не скоро.

– Ну да, понял... – с запинкой ответил Бомонт. – Вы...

– Я уже сказал минуту назад: я тут главный.

– Само собой. Сперва припугнуть, потом добиться послушания. Ясное дело: дисциплина – первое дело. И все прочее.

Его тон, теперь ставший почтительно-понимающим, продолжал раздражать Хордана.

– Именно так, – буркнул он. – И все прочее.

– Виноват, сэр... Кхм... Э-э... командир.

– На берегу так ко мне не обращайтесь.

– Прошу извинить.

Они шли вдоль балюстрады, отделявшей проспект от моря. Шли молча, а за спиной у них угасал последний свет. Во рту Бомонта время от времени оживал, отражаясь в стеклах очков, красный уголек очередной сигареты.

– Вы недавно это все изложили, – произнес он наконец. – Точно следовать инструкциям и ничего больше, ни в коем случае не оставлять компрометирующих следов... и так далее. Но мы так и не знаем, по какому случаю собралось столь изысканное общество.

– Вы знаете то, что вам положено знать. Пока. Все остальное – в свое время.

– Ну, очевидно, что речь идет о разрыве каких-то морских коммуникаций. Радист, ливанские артиллеристы, голландский торпедист... Да пусть меня вздернут на рею, если это не секретная военная операция.

По его манере говорить – спокойно, с намеками, отсылками и оборотами, недоступными узнаванию Хордана, – было понятно, что он человек образованный. Хордан, однако, перестал злиться. Бобби Бомонт в самом деле производил приятное впечатление. По крайней мере, когда не мог дотянуться до бутылки.

– Крупное судно? – спросил радист.

Хордан сделал несколько шагов, молча прикидывая, насколько уместен был заданный вопрос. И наконец решился:

– Не очень. Но достаточно.

– Парусная шхуна, или моторная яхта, или что-то в этом роде?

– Примерно.

– И экипаж, стало быть, набрали, чтобы плавать в водах Леванта... Вести скрытные боевые действия. А это точно не контрабанда?

Хордан не ответил. Англичанин остановился, не выбросил, а выпустил окурок из пальцев и стоял над ним молча и неподвижно, покуда тот не погас.

– Насколько мне известно, – продолжал он, – война сейчас только одна: в Испании. И маршрут, имеющий к ней наибольшее отношение, пролегает в наше Средиземноморье из Черного моря... Я верно рассуждаю?

Хордан взглянул налево, где море уже слилось с темным небом. Неподалеку от берега медленно двигались к западу огни крупного корабля. Несомненно, это была «Альба Адриатика», которая в это время всегда брала курс на Александрию.

– Почитав газеты, – сказал Бомонт, – я понял, что занимаются этим, с одной стороны, германские корабли и итальянские субмарины, то есть союзники Франко. А с другой – русские.

– Знаете, Бомонт, что я вам скажу? – Хордан резко повернулся к нему. – Вы чересчур много говорите.

– Да, я знаю... Это мой главный недостаток. Но вы не беспокойтесь: в случае надобности я умею держать язык за зу-

бами.

– Сейчас тот самый случай.

– Есть, ясно! Повинуюсь, покоряюсь, умолкаю. Простите еще раз. Все выяснится, не правда ли? Под божьим солнцем и в свой срок.

Двинулись дальше. Красноречие собеседника почти обезоружило Хордана. Он едва ли не пожалел, что был резок с ним.

– Мне вас хвалили как отличного радиста.

– Да неплохой, скажу без ложной скромности. Опыт немалый.

– Насколько я понял, служили на британском флоте?

– Ох, служил, служил. Что было, то было... – оживился англичанин. – Та война велась на старинный лад, обдуманно и благопристойно, поймите меня правильно... Я был вторым радистом на «Саутгемптоне», в Ютландии. Двадцать один год назад. И все еще...

– Говорят, вы много пьете, – прервал его Хордан.

– Ух ты... Неужели так и сказали?

Он произнес эту фразу задумчиво и почти страдальчески, а потом надолго замолчал. Потом заговорил снова:

– Видите ли, мой маль... – И осекся. – Простите, сэръ. Вот уже четыре месяца у меня капли во рту не было.

Хордан остановился, тем самым задержав и радиста. Два темных силуэта застыли друг напротив друга. Зря, подумал Хордан, зря я затеял этот разговор.

– Не потерплю распушенности, уясните это себе! – сухо проговорил он. – Ни от кого. Слишком многое поставлено на карту, и дело нам поручено очень важное.

– Разумеется... Я понимаю. И заверяю вас, что...

– Первый ваш промах станет последним. И единственным. Я позабочусь об этом.

Последовало продолжительное и неловкое молчание. Когда же Бомонт вновь заговорил, в его голосе зазвучали виноватые нотки:

– Вы ведь военный моряк? Верно? Узнаю манеру. А еще и испанец вдобавок. Я только не знаю, кому служите – франкистам или республиканцам.

– У вас есть предпочтения? – резко ответил Хордан. – Один из вариантов вас может не устроить?

– У меня? Ни малейших. – Англичанин снова закурил. – Рехнувшийся мир, безумные властители, сумасшедшие союзы... – Прежде чем погаснуть, огонек спички высветил костлявое небритое лицо, глаза, уставившиеся в никуда. – Впрочем, издали Республика мне как-то милее. Однако, как известно, *resunia non olet*. Деньги, мой дорогой, не пахнут. О, простите, я хотел сказать – «сэр».

Переборки и деревянный настил пола чуть подрагивали от работающей машины. Солнечный луч, скользнув в каюту через иллюминатор, касался плеча Хордана и двигался вверх-вниз от качки, то освещая, то оставляя в темноте докумен-

ты, которые он читал, и морские карты, которые он изучал. Ему тщательно приготовили все, что нужно было знать. Капитан первого ранга Навиа-Осорио, организатор этой экспедиции, был дотошным начальником и человеком слова. Прощаясь, он пообещал, что все материалы будут ждать Хордана на борту «Акамаса», когда кипрское судно бросит якорь в порту Бейрута.

– Не надо вам таскать с собой такой компромат. У вас будет время ознакомиться со всем.

Луис Навиа-Осорио, уцелевший после расправы над старшинами и офицерами, прокатившейся по республиканскому флоту в июле и августе прошлого года, ныне успешно и прозорливо руководил оперативным управлением Главного морского штаба, который возглавлял вице-адмирал Сервера. В его присутствии в кают-компании крейсера «Канариас», стоявшего у стенки в Кадисе, и произошел решающий разговор вскоре после того, как Хордан вернулся из Германии. Там ему сообщили, что пора приступить к безотлагательному выполнению плана, благо его разработали на самом высоком уровне. И даже не позволили повидаться с женой и сыном, жившими в Ферроле.

– Транспорты, – объяснял тогда Навиа-Осорио, – продолжают выходить из Черного моря и, пройдя Мраморное море, Дарданеллы и греческий архипелаг, пересекают Средиземное море и берут курс на испанские порты, находящиеся под контролем красных. И республиканские, и русские

«купцы» – законные цели, и мы уже потопили или захватили несколько единиц: спасибо итальянским и германским субмаринам и надводным кораблям и нашим вспомогательным крейсерам, которые каперствуют в Сицилийском проливе...

– Однако все это в прошлом, – добавил вице-адмирал, сидевший на диване между портретом генерала Франко, вделанными в переборку часами и образом Пречистой Девы дель Кармен. – Миновали *happy times*⁶.

Сервере, седоголовому старику лет семидесяти с неспешно-размеренными движениями, темно-синяя форменная тулупка с золотыми пуговицами и широкими галунами на рукавах придавала еще более импозантный вид. Поднятый против Республики мятеж, заставший этого уважаемого на флоте моряка в вынужденной отставке, побудил его немедленно предоставить себя в распоряжение франкистов.

– Этого мы и опасаемся, – подтвердил Навиа-Осорио. – Англия и Франция планируют запретить боевые действия за пределами наших территориальных вод, ограничить нас пределами Балеарского и Альборанского морей, не давая нашим союзникам вмешиваться, а нам – патрулировать вне этих зон. Лига Наций созывает конференцию, чтобы достичь соглашения, которое приведет к тому, что и русские транспорты, и республиканский флот будут действовать безнаказанно. Кроме того, суда других стран, снабжающих красных, маскируются и ходят под британским флагом... В итоге нам

⁶ Счастливые времена (англ.).

все трудней ущучивать их...

– Законными методами, – уточнил вице-адмирал.

– Именно! Законными методами. Но мы должны выдерживать этот напор. Атаковать их суда, когда они лишены прикрытия красного флота, который ждет на траверзе мыса Бон и сопровождает вдоль побережья Северной Африки. Задача в том, чтобы нанести удар, прежде чем они дойдут туда, и тут сам бог велел действовать в Эгейском море. Отличное место для охоты, хотя теперь они маскируются под нейтральные суда – ставят муляжи труб, меняют профиль с помощью расписного брезента, поднимают другие флаги.

После этих слов оба помолчали, давая Хордану самому додуматься до невысказанного. А он не без растерянности уставился на вделанный в переборку круглый корпус часов, чье тиканье словно бы подчеркивало напряженную тишину.

– Виноват, – наконец выговорил он. – Я не понимаю, какая роль отводится мне... Что я должен буду делать?

– Как ваши курсы в Киле? – осведомился Сервера.

Хордан заморгал:

– Очень познавательны.

– *Kameraden*⁷ были с вами любезны?

– Не то слово.

– И как, по-вашему, вы вполне освоили торпедные аппараты?

– Надеюсь, господин вице-адмирал. Я старался как мог.

⁷ Товарищи (нем.).

Начальник Главного морского штаба обернулся к Навиа-Осорио, давая ему высказаться. Германия, объяснил тот, в официальном порядке и в качестве военной помощи передала нашему флоту две боевые единицы, которые под названиями «Рекете» и «Фаланга» действуют у Балеарских островов и в Проливе⁸. Ожидается передача еще двух. Корабли эти не последней, а, с позволения сказать, предпоследней модели. И после этих слов он с новым интересом устремил взгляд на Хордана и сказал:

– Вы с ними хорошо знакомы.

– Да, разумеется, – подтвердил тот. – Класс S, сокращенно от *Schnellboot*⁹. Малость устаревшие, оснащены бензиновыми двигателями, а не дизелями, какими оборудуют эти кораблики ныне.

– В Киле вы, насколько я знаю, ходили на «S-семь».

– Точно так. Это уже новые модели.

– Ну и как впечатления?

– Самые отрядные. Чудесная посудина. Скоростная, маневренная... дает тридцать пять узлов.

– Рад, что они вам нравятся, потому что на один такой кораблик вы назначаетесь командиром.

– Что?

– Что слышали.

– Но я ведь...

⁸ Имеется в виду Гибралтарский пролив.

⁹ Быстроходный катер (нем.).

– Знаем-знаем. Вы всего лишь лейтенант запаса, однако обладаете необходимыми и весьма полезными сейчас качествами. – Навиа-Осорио холодно улыбнулся сбитому с толку Хордану. – Кроме немецкого и английского, говорите еще и по-гречески. А значит, можете сойти за эллина.

– Я?!

– Что вас так удивляет? – насмешливо осведомился вице-адмирал. – Разве там повывелись блондины?

– Да нет, конечно, имеются, но...

– Кроме того, – снова подал голос Навиа-Осорио, – для выполнения этого задания вам присвоено очередное звание. С этой минуты вы капитан-лейтенант.

– О господи... – затряс головой Хордан. – Не понимаю...

– Вижу, вы удивлены, – перебил Сервера. – Тем не менее вы произведены не с бухты-баракхты... Неужели вы полагаете, что в Германию мы вас отправили в качестве туриста? – Он показал на Навиа-Осорио. – Он давно готовил эту операцию. Подыскивал подходящего человека, и в Военно-морской академии указали на вас.

– Как на офицера с не слишком живым воображением, но хладнокровного и надежного, – вставил Навиа-Осорио.

Вице-адмирал улыбнулся:

– С опытом службы на суше, а это ограничивает его меньше, чем нас, кадровых флотских дуболомов, привыкших действовать от сих до сих.

– А операция предполагает... – рискнул спросить Хордан,

ничего хорошего не ожидая.

– Действия торпедного катера «S-семь», который, базируясь на каком-нибудь острове в Эгейском море, будет рвать коммуникации красных, – ответил Навиа-Осорио.

Хордан в изумлении раскрыл рот:

– Да у нас же нет этих катеров!

– Поскольку Лондонский комитет запрещает поставки боевых кораблей воюющим странам, Германия при условии соблюдения строжайшей тайны выделит нам один катер. Помимо прочего, немцы хотят проверить его качества в боевой обстановке, так что вам придется составлять донесения, которые мы им будем отсылать... Есть еще кое-какие обстоятельства, добавляющие этой затее... э-э... своеобразия. Ни в коем случае нельзя будет выходить в море под испанским флагом и говорить с командой по-испански. А ее целиком укомплектуют из иностранных добровольцев.

– Наемники?!

– Попрошу не кривиться, – строго одернул его вице-адмирал. – Республика вот использует их напропалую. Проблема лишь в том, чтобы не предавать это огласке. Так что это будет тайная операция, наше правительство во избежание скандала никогда ее не признает. Действовать вам придется в одиночку, исключительно на свой страх и риск, без расчета на чье-либо содействие. Материальное обеспечение и финансовая поддержка будут поступать вам от третьих лиц.

– Но ведь это чистейшее пиратство, – в растерянности воз-

разил Хордан.

– Оно самое. Действовать будете под чужим именем, причем ничто не удостоверит, что вы – именно тот, за кого себя выдаете. Если попадетесь, отвечать придется в соответствии с международным уголовным правом.

– И мы ничем вам не поможем, – сухо уточнил Навиа-Осо-рио.

Хордан медленно кивнул. Все наконец стало на свои места – месяц обучения в Германии, срочный вызов в Кадис. Выбор, который пал не на кого-то другого, а именно на него – на Мигеля Хордана, сына гречанки по фамилии Кириази́с, «с не слишком живым воображением, но хладнокровного и надежного». Его даже не обидела эта характеристика, тем паче что он никогда не считал воображение достоинством военного человека. Слишком сильно поразил его этот разговор, чтобы обращать на это внимание.

– Атаковать надо будет в территориальных водах Греции или в международных?

– Мы опасаемся, что в греческих. Маршрут пролегает между островами архипелага. Опять же, базироваться будете на острове, принадлежащем Греции. С этой стороны сложностей не предвижу, поскольку правительство диктатора Метаксаса¹⁰ симпатизирует нам.

– Тамошние власти в курсе дела?

¹⁰ *Иоаннис Метаксас* (1871–1941) – премьер-министр и фактический диктатор Греции в 1936–1941 годах.

– Ну разумеется. Мы заключили с ними тайное соглашение о том, что в нужный момент они будут смотреть в другую сторону. Не будете зарываться – и проблем с Афинами не будет. Одно дело – подозрения и толки-пересуды, а другое – демонстративные действия. Вам надлежит вести себя так, чтобы нам абсолютно ничего не могли вменить в вину.

– Хорошо бы вам бороду отпустить, – после недолгого раздумья изрек вице-адмирал и взглянул на Навиа-Осорио. – И волосы бы подлинней, а? Чем меньше официоза, тем лучше.

– Да, это удачная мысль, – поддержал его тот.

В наступившей тишине слышалось лишь тиканье стенных часов.

– О чем задумались, Хордан? – осведомился Сервера.

Тот шумно выдохнул:

– Моя семья...

– Мы в курсе дела, – сказал Навиа-Осорио, – К сожалению, проведать ее вы не успеете.

– Сколько вашему сыну? – любезно спросил вице-адмирал.

– Двенадцать.

– Он по-прежнему с матерью в Ферроле?

– Надеюсь.

– Вы не беспокойтесь, мы за ними присмотрим.

Хордан задумчиво кивнул. Покоряясь судьбе.

– Семь месяцев назад я был моряком торгового флота...

И, запнувшись, не договорил. Сервера пожал плечами:

– Но теперь вы офицер флота военно-морского. А его дело – топить неприятельские корабли. Пускать их ко дну – и чем больше, тем лучше.

Долгую паузу снова заполнило тиканье часов.

– Разрешите задать вопрос, господин вице-адмирал...
Вернее, поделиться мыслями.

– Пожалуйста.

– Вы, господа, ни разу даже не намекнули, что выбор – быть мне добровольцем или нет – остается за мной.

Лицо старого моряка посуровело.

– Надобности не было. В нашей Испании мы все стали добровольцами. И горе тем, кто не стал.

В дверь каюты забарабанили. Матрос, такой же обтрепанный и грязный, как и все судно, – «Акамас» был ржавой двухмачтовой посудиной из тех, у которых на корме все еще стоит незащищенный штурвал, – сообщил Хордану, что капитан требует его на мостик. Хордан спрятал документы, запер дверь, вышел следом за матросом на палубу и на миг ослеп: в глаза ударил ярчайший блеск волн, которые «купец» рассекал на скорости десять узлов. Вокруг повсюду, куда хватало глаз, виднелись в прозрачном полуденном воздухе острова – бурые, серые, зеленоватые, большие и малые, гористые и плоские, врезанные в синеву или будто всплывающие из нее. Киклады. Сердце Эгейского моря.

Поднимаясь по трапу на мостик, Хордан отметил, что

«Акамас» идет малым ходом, а его люди – англичанин, голландец и ливанцы, – сгрудившись у штирборта, созерцают море и греческий рыболовный каик,двигающийся параллельным курсом на расстоянии одного кабельтова. Высунувшись из рубки, вглядывался в него и капитан «Акамаса». Тотщий, в засаленной фуражке, надвинутой до бровей, с призматическим биноклем на шее и до того неразговорчивый, что за три дня плавания из Бейрута обменялся со своими пассажирами едва ли десятком фраз. Сейчас, когда Хордан подошел ближе, он показал на каик пальцем с грязным ногтем:

– Вон ваше суденышко.

– Где мы?

Капитан полуобернулся к короткой гористой береговой линии, видневшейся по левому борту:

– В пяти милях севернее Милоса.

После чего отдал команду. Машины заработали тише и медленней, подрагиванье ослабело, и через несколько секунд, пока «Акамас» по инерции скользил по воде, каик, сменив направление, подошел к нему почти вплотную. Тот самый матрос, который вызвал Хордана в рубку, спустил с правого борта шторм-трап.

– Готовьте своих людей. – Капитан-киприот в бинокль осмотрел горизонт. – Через десять минут перейдете.

На маленьком, старом, много раз перекрашенном каи-

ке, оказавшемся еще грязней, чем «Акамас», пахло мокрыми сетями, бензином и рыбой. Длинный румпель на корме, единственная мачта с убранными парусами, мотор, тархтевший с перебоями и испускавший густое облако не полностью отработанного горючего. Экипаж состоял из шести матросов-греков и шкипера – тучного человечка с голым загорелым черепом и живыми глазами. Пуговица на животе его рубашки отсутствовала, и, время от времени просовывая в прореху пальцы, он невозмутимо скребся. Лоснящееся небритое лицо уже не меньше недели требовало вмешательства воды и мыла. Поднявшемуся на борт Хордану он протянул руку, церемонно его приветствуя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.